

Я человек семейный / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Я человек семейный / рассказ Я ЧЕЛОВЕК СЕМЕЙНЫЙ

Ботинки вязли в грязном мартовском снегу.

Вечерело, и левая нога мокла. Опять нести в починку – обувь, конечно, а не ногу. Мысль было возникла купить завтра новые... нет, потерплю до следующего сезона – семье сейчас деньги важнее!

Я уже у подъезда перекинул сумку на другое плечо: Дина так любит этот... как его... «шербет» этот, приторное варёное молоко с сахаром и изюмом, ну и как любимую не порадовать – сейчас с зарплаты набрал полсумки этого. Сына, конечно, тоже не забыл. Ему – новая флэшка и игра компьютерная, купленная в маленьком магазинчике у Саши, мрачного чернявого типа. Кстати, Саша этот и меня сегодня порадовал – каким-то образом в наш городок и в их магазинчик попал диск «The Best of Eric Burdon and New Animals», каковой я сразу же купил, пренебрегши разумной экономией. Гулять так гулять!

– Как живёте, караси?! – я, открыв дверь квартиры, ввалился – хозяин-добытчик, с заранее приклеенной к губам прибауткой, доставшейся от папы. Как она мне была противна, эта дебилоидная присказка, на которую было положено отвечать: «Ничего живём, мерси!» Ну, а поскольку сам – человек семейный... потёр виски и задумался неожиданно, с какого же года семейный, и сколько лет моему Вовке – но это захлестнулось лёгкой волной эйфории, и тотчас унеслись ненужные размышления.

Опять, наверное, с мелким в кино или театр забурились? Ничего, им, моим родным, всё можно – я хихикнул, открывая банку пива и, отряхивая пальцы от пены, распечатал компакт, купленный у Саши.

Блескучий кругляш прыгнул в нутро нашей древней AIWA, я наугад щёлкнул пультом:

– Modern day structures are fantastic

But have you seen a butterfly's wings?
Man has created symphony
But have you heard a blackbird sing?
And no matter how dumb you are,
There is always somebody dumber...

Я в полном блаженстве распластался в потёртом кресле, потягивая пиво. Кажется, в мои тридцать семь жизнь полностью удалась – жена-красавица, сынишка чуть не звёзды с неба хватает... да я и сам не промах ещё, потому что хоть и тружусь дворником, однако...

– Сосед, сосед... – кто-то загрохотал во входную дверь, и я весь аж подобрался под Эрика Бёрдона и его «Мэн, Вумэн!»

Открываю, по пути закуривая «Тройку» – в дверях Андрей-соседушка – коньяком и сигарками разит, и говорит слова красивые сквозь буржуйский табак:

– Витя, я всё, конечно, понимаю... Ты один, и всякое такое – сосед замолкает на секунду, поняв, что не то ляпнул – а я кривлюсь брезгливо, потому что знаю то, чего он не знает.

– Хорошо, Андрей – я почти сквозь слёзы ему улыбаюсь – сейчас я потише сделаю, а ты меня, дурака, за это сигариллкой...

– Конечно же, конечно... – сосед из пачки с нарисованной-разрисованной кралеи тянет несколько пахучих коричневых палочек... и тут я навзрыд всхлипываю. Андрей, неловко топчась в дверях, хлопает меня по плечу и испаряется.

Под кавер «Paint it Black» я сажусь за компьютер, кидаю в дисковод игру, что сегодня для... сына купил; на экране «авторан» с каким-то чудовищем высветился. Я жму «Продолжить» и, пока загружается – андюхину «буржуйскую» взятюг дымлю, до пластмассового фильтра. Открываю окошко, чтобы фильтр вышвырнуть в сборище старушек на лавке под окном, обсуждающих, я уже слышу: «У этого-то малахольного, бобыля-то, снова крыша поехала, небось!» Размахиваюсь, чтоб сильнее запустить в стайку старух, таящихся в сумерках двора на скамейке, пластмассовой фиговинной... и дверь в детскую отворяется, оттуда мяч выкатился... свет неожиданно гаснет под звуки «Man – Woman». Компакт по второму кругу пошёл...

...я в полутьме вижу силуэт сына. Слёзы горькие-горькие каплют, и всё хочется любимую повидать, а нет, только запах дешёвеньких, но таких милых духов в воздухе прокуренной комнаты возник, а где она сама прячется сейчас...

Выплёвываю очередной фильтр от сигареты, сигариллы ли... врач мне говорил, что мне, если я хочу поправиться, необходим... необ... нужен покой, короче. И я, сожрав несколько штук антидепрессанта и пару транков, ложусь на диван... сквозь сон слышу, как снова дверь в детскую, где мой Вовка... снова дверь открывается, и снова мяч... не могу, не могу... звучит Бёрдон, а я под него... сплю уже... снова мяч об пол стукнул... Сквозь дремоту вспоминаю её, ту, первую и единственную мою любовь, и с холодной трезвостью осознаю – ну не было же у меня и нет ни семьи, ни сына. Может и был бы...

мы не подходим друг другу извини но тебе стоит бы провериться ничего и с бесплодием мужики живут я желаю тебе встретить ту которая сумеет.

Я, шатаюсь, встаю и врубаю на полную свою «Айву», через две минуты грохот в дверь. Открываю – и едва успеваю заблокировать удар. Это второй сосед, великовозрастный «гопник» Слава, снизу, пришёл не с вкусными сигарками, а с букетом пиздюлей, так сказать. Бью его прямым в зубы – удар вяловатым получается...

Полиция, невесть откуда взявшаяся, крутит мне руки:

– Семейный? А где его...

– Да какой семейный, с дуба рухнувший – в дверях уже сосед-Андрюха дымит своей сигариллой. – Вон гляньте, целый... алтарь во второй комнате... И игрушки, и погремушки... Псих, короче. Выдумал себе семью, значит... – Андрей принимается неторопливо рассказывать про меня. В сознание западает это «алтарь», «алтарь семейной жизни», как там...

Я начинаю смеяться дико. Ветер открывает форточку и я чую, как пахнет март: смесь запаха тающего снега, кошек, первых почек на деревьях – живое всё и родное такое. Я пытаюсь рассказать об этом одному из полицейских, но получаю почти дружелюбный тычок в бок, а второй в это время вызывает «скорую».

А когда меня выводят из квартиры, я краем глаза вижу сына –

вот он смотрит на меня, потом и жена выходит из кухни, обнимает Вовку за плечи – два силуэта на фоне... Дверь хлопает, ключ скрежещет в замке, потом переключивается ко мне в карман, и мы с полицейскими и фельдшером скорой выходим в ночь, в март, несущийся нам навстречу с ветром в лицо. Хорошо так... горечь мартовского ветра обнадеживает и одновременно ошеломляет неотвратимостью хода времени.

– «Балалайку» его выключить забыли – говорит один из полицейских. Голос Бёрдона отчётливо слышен сверху, из моего окна. Полицейский снова вынимает ключ из моего кармана, один из них возвращается ко мне в квартиру... обратно что-то очень быстро, и взволнованно, я слышу, начинает шептать коллеге на ухо, я слышу обрывки разговора про «баба какая-то на кухне мелькнула, а пацан за...», когда меня сажают в машину «скорой помощи». Ноги в тапках намокли, и через окно машины я вижу окно своей квартиры: мальчик прилип к стеклу с той стороны, потом женский силуэт мелькает, занимает его место, чтобы занавеску задёрнуть, и свет гаснет.

В переполненной психушке заспанный санитар провёл меня к койке, прошипел, чтоб я не выделялся, а то «зафиксируют». Медсестра подошла со шприцом, вхреначила какую-то гадость. Когда засыпал, пересохла носоглотка...

А утро меня немного порадовало: как раз дежурил мой лечащий. Счёл моё состояние не требующим госпитализации, правда, больничный завёл – ну да ладно, больше времени с семьёй проведу! Мне вернули вещи, мобильник и деньги...

Я, шатаюсь, брёл по весенней улочке, в первом же обувном магазинчике купил китайские кроссовки. В киоске рядом взял бутылку колы и два пакетика растворимого кофе, высыпал оные в напиток прямо за углом, взболтал и, подождав, пока пена спадёт, залпом выпил половину, остатки закрутив сунул в карман куртки. Стало чуть полегче.

Поймав такси, подъехал к своему дому... странно, когда они успели сделать ремонт? Мой балкон зеленел свежей краской...

И бабушки у подъезда сидели незнакомые какие-то...

Я поднялся к своей квартире, начал скрестить было ключом в замочной скважине – замок не тот... Дверь открыла жена:

– Вам что, мужчина? – смотрела с настороженной миной.

– Ты, ты... – отчего-то я дар речи потерял. Сын, Вовка, выглянул из-за плеча матери.

– Родные мои, наконец-то – у меня по суточной щетине потекли слёзы.

– Какие родные? – голос жены сорвался на фальцет. – А ну пошёл отсюда, пьянь подзаборная! – и она повернулась к сыну: – Звони, пускай забирают!

– Эй, не надо, я сам... – я поднял руки, в мозгу, ещё не отошедшем от нейролептика, что-то вяло так шевелилось. У незнакомых бабок возле подъезда я узнал, что в той квартире, где я был, когда-то жил псих ненормальный, но его лет пять уже как в психушку укатали, а квартиру дали матери-одиночке...

«Да что же это... Рип ван Винкль какой-то» – я вспомнил читанный в детстве рассказ, очень уж он мне нравился.

Достав бутылку с остатками колы с кофе, выпил прямо перед старухами – все, как одна, скривили мордочки. Выудил из кармана пачку с сигаретами – там оказалась одна из подаренных накануне соседом-Андрюхой сигарилл. Как раз то, что надо – втянул крепкий дым, и почему-то всё стало абсолютно...

– Дяденька! – выбежавший на улицу... сын? Выбежавший мальчик смотрел на меня опасливо. И протягивал купленный вчера компакт-диск.

Посередине пластикового футляра пролежала трещина. Я открыл коробку, достал кругляш (почему-то там был не Бёрдон, а нечто под названием «Мой адрес Советский Союз»). Диск полетел к солнцу, коробка на асфальт, бабульки за моей спиной переговаривались.

А мне так легко на душе стало!

И я пошёл в март.

Роман ДИХ. Neкаýalar